

Шоа и европейская интеграция¹

МИКАЭЛЬ
МЕРТЕС

НЕГАЦИОНИЗМ – РЕВИЗИОНИЗМ – РЕЛЯТИВИЗМ

Английский писатель Сэмюэл Батлер как-то проципательно заметил: «Хотя Бог не может изменить прошлое, историкам это вполне под силу»². Ему следовало бы добавить: «а политики отчаянно хотели бы это делать». Действительно, то, что можно назвать политической инструментализацией истории, слишком часто формулируется и пропагандируется на государственном уровне. В лучшем случае речь идет о более или менее корректной интерпретации прошлого; в худшем же – о создании новых мифов. Оба сценария следует рассматривать в контексте *оправдания текущей политики*.

Политическая инструментализация истории склонна игнорировать или вообще отрицать темные стороны конкретного – индивидуального или коллективного – прошлого. Психологический механизм, стоящий за этим, Фридрих Ницше описал так: «“Я сделал это”, – говорит моя память. “Я не мог этого сделать”, – говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов, память уступает»³.

Политическая инструментализация истории практикуется не только на национальном, но и на международном уровне. Наглядными иллюстрациями, подтверждающими этот тезис, могут служить два наиболее важных института европейской интеграции, учрежденных после 1945 года: Совет Европы и Европейский союз. Цели этих учреждений не ограничиваются позитивной плоскостью, отражающей горизонты грядущего; они предполагают и негативную составляющую, обремененную уроками прошлых диктатур, войн, геноцида – катастрофических ошибок и ужасающих преступлений.

Основным вопросом, рассматриваемым в этой связи, является вопрос о том, какое значение для общего исторического сознания западных и восточных европейцев имеет Шоа⁴. Оче-

Микаэль Мертеc (р. 1953) – немецкий писатель, публицист, переводчик, в 1987–1998 годах был политическим советником канцлера Гельмута Коля, в 1998–2006 годах работал журналистом, в 2006–2011 годах занимал пост государственного секретаря федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия по делам федерации и взаимодействию с Европейским союзом, в 2011–2014 годах возглавлял представительство Фонда имени Конрада Аденауэра в Израиле.

1 Настоящая статья написана специально для «НЗ».

2 См.: *Oxford Essential Quotations, 2017: Samuel Butler, 1835–1902* (www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780191843730.001.0001/q-oro-ed5-00002407).

3 NIETZSCHE F. *Jenseits von Gut und Böse. Viertes Hauptstück. Sprüche und Zwischenspiele, Nr. 68.* (Ницше Ф. *По ту сторону добра и зла // Он же. Полное собрание сочинений.* М.: Культурная революция, 2005. Т. 5. С. 78. – Примеч. перев.)

4 Говоря о систематическом убийстве национал-социалистической Германией шести миллионов евреев, я применяю ивритский термин «Шоа» (катастрофа). Обусловлено это тем, что термин «Холокост» (всесож-

видно, что в немецком историческом сознании этот геноцид занимал и занимает центральное место, затмевая собой любые другие преступления, совершенные Германией в прошлом. Однако верно и то, что уже не раз предпринимались и продолжают предприниматься попытки переместить фокус общественного внимания немцев с Шоа на что-то иное. Такие попытки, как представляется, можно разделить на три категории: негационизм, ревизионизм и релятивизм.

Негационизм отмечает исторические факты, которые были тщательно доказаны десятилетиями научных исследований и сбора судебных доказательств. *Ревизионизм* ставит под сомнение эти доказательства и утверждает, что обладает принципиально новыми знаниями. Некоторые ревизионисты реверсивным образом предъявляют обвинения самим жертвам обсуждаемых событий. И хотя не все ревизионисты являются негационистами, по большей части как раз они и снабжают последних аргументационной базой. Наконец, *релятивизм* выступает за альтернативную оценку исторических фактов, которых он, в принципе, не отрицает и даже не ставит под сомнение. Не все релятивисты являются ревизионистами, но именно они предоставляют ревизионистам мотивы для высказываемых ими сомнений. Таким образом, альтернативные оценки могут проложить путь к «альтернативным фактам» – цитируя нашумевшую формулу Келлиэнн Конуэй, советницы бывшего президента США Дональда Трампа.

Политическая инструментализация истории склонна игнорировать или вообще отрицать темные стороны конкретного – индивидуального или коллективного – прошлого.

Негационизм, ревизионизм и релятивизм выполняют апологетическую функцию. Они призваны доказать историческую безупречность социальной группы. Крайне правые не хотят, чтобы им напоминали о преступлениях их собственной нации, а крайне левые не желают вновь слышать о преступлениях коммунизма. Реверсия преступника и жертвы не только очищает совесть сторонников такого приема, но и гарантирует легитимность тем, за кого они заступаются, поскольку преступники, оправдывая совершенное ими зло, трактуют его как форму защитного поведения. Память о Шоа снова и снова подвергается делегитимации со стороны немецких правых. В этом

жение), который в основном используется в англосаксонской языковой зоне, заимствован из религиозных разделов греческого языка; иными словами, он предполагает наличие некоего метафизического смысла, которого не может быть ни у этого, ни у любого другого геноцида.

контексте особую известность приобрело релятивистское заявление, сделанное в 2018 году ведущим политиком партии «Альтернатива для Германии» Александром Гауландом. По его словам, Гитлер и нацисты – всего лишь «пятнышко птичьего дерьма» на тысячелетней и успешной истории Германии⁵.

На вопрос, где проходит грань между недопустимым релятивизмом и допустимыми историческими сравнениями, не всегда можно ответить с легкостью. Чтобы избежать путаницы, следует проводить строгое различие между *приравниванием* и *сравнением*. Релятивисты используют отсылку к преступлениям других, чтобы доказать, что деяния, которые ими оправдываются, не такие уж и исключительные. В этом контексте популярен аргумент «*Tu quoque*» («Ты тоже»): «Вы хотите поговорить о турецком геноциде армян 1915–1916 годов? Давайте сначала поговорим о немецком геноциде гереро и нама в Намибии в 1904–1908 годах!» Уже несколько лет в релятивистской переоценке Шоа участвуют и некоторые левые, работающие в русле постколониальной критики. По сути, они утверждают, что немецкое – а также международное – внимание к этому преступлению против человечности ведет к тривиализации преступлений колониализма. Опираясь на подобную логику, левые противники сионизма ставят под сомнение смысл существования государства Израиль⁶.

Интеллектуальная честность требует, чтобы каждое преступление сначала само по себе было признано преступлением, чтобы был отвергнут соблазн противопоставлять различные преступления друг другу. Иными словами, рассуждающий о преступлениях сталинизма не умаляет тем самым преступлений национал-социализма – и наоборот⁷. Аналогичным образом тот, кто признает геноцид армян, не делает тривиальным геноцид племен гереро и нама; противоположное столь же верно. Выстраивание исторических аналогий отнюдь не доказывает относительность подобных трагедий. Напротив, одной из задач исследования геноцида должно быть сравнение культурных, социальных и политических условий, которые способны спровоцировать геноцид. Симон Визенталь (1908–2005), всемирно известный охотник на нацистов-убийц, каталогизировал такие условия несколько десятилетий назад⁸. Стоит, однако, иметь

5 Автор имеет в виду комментарии, сделанные депутатом Бундестага в июне 2018 года. Подробнее см.: *Слова немецкого политика о Гитлере спровоцировали скандал* // РИА «Новости». 2018. 3 июня (<https://ria.ru/20180603/1521960779.html>). – Примеч. перев.

6 Подробнее см.: MERTES M. *Antisemitismus: das nächste Kapitel* // Stimmen der Zeit. 2022. März. S. 205–215. (МЕРТЕС М. *Антисемитизм: следующая глава* // Неприкосновенный запас. 2022. № 3(143). С. 192–203. – Примеч. перев.)

7 О сомнительности формулы «двойного геноцида» см.: SOKOL S. *The Tension between Historical Memory and Realpolitik in Israel's Foreign Policy* // Israel Journal of Foreign Affairs. 2018. Vol. 12. № 3. P. 311–324.

8 WIESENTHAL S. *Jeder Tag ein Gedenktag. Chronik jüdischen Leidens*. Gerlingen: Bleicher Verlag, 1988. S. 13–27.

в виду, что количественные и качественные сравнения могут оказаться проблематичными, если в политическом дискурсе их используют для выстраивания иерархии жертв.

ДЕЛЕГИТИМАЦИЯ НАЦИОНАЛИЗМА КАК УСЛОВИЕ МИРА

В историческом самосознании Совета Европы и Европейского союза тема Шоа заняла сколько-нибудь заметное место лишь с конца 1990-х – начала 2000-х. В послевоенные десятилетия, как и после демократических революций 1989 года, необходимость европейской интеграции обосновывалась несколькими идеями, узаконивающими ее в публичном дискурсе⁹. В разное время значимость каждой конъюнктурно варьировала, но при этом одна идея постоянно находилась на переднем плане: начиная с плана Робера Шумана 1950 года европейский политический класс был убежден, что интеграция обеспечивает мир, а национализм означает войну. Например, последний из этих тезисов был оглашен французским президентом Франсуа Миттераном в выступлении перед Европейским парламентом 17 января 1995 года. В этом же русле было и заявление председателя Европейской комиссии Жан-Клода Юнкера, сделанное в немецком Бундестаге в День памяти 2008 года: «Кто сомневается в Европе, кто отчаивается в Европе, тот должен посетить ее военные кладбища!».

Согласно этой интерпретации европейской истории, классический идеал неограниченного суверенитета, приписываемого национальному государству, продемонстрировал свою роковую несостоятельность в сражениях двух мировых войн. Показательно высказался по этому поводу Вальтер Халльштайн, первый президент Комиссии Европейского экономического сообщества:

«Возмутительное злоупотребление не только властью, но и идеологией национального государства, обернувшееся для европейского континента беспрецедентными разрушениями, привело к тому, что заметно поколебленным оказался сам его принцип»¹⁰.

Примечательно, однако, что в подобных рассуждениях массовое убийство европейских евреев в лучшем случае лишь *подразумевается*, поскольку непосредственно речь здесь идет о военном противостоянии наций и их союзов. Важно также, что в контексте интеграционных процессов не предполагается упразднение национальных государств или даже наций – дело

⁹ Обзор их эволюции во второй половине XX века см. в работе: KARAMA M. *Struktur und Wandel der Legitimationsideen deutscher Europapolitik*. Bonn: Europa Union Verlag, 2001.

¹⁰ HALLSTEIN W. *Der unvollendete Bundesstaat*. Düsseldorf: Econ, 1969. S. 18.

ограничивается лишь передачей части суверенитета национальных государств на наднациональный уровень.

Иначе говоря, инициаторы европейской интеграции не демонстрировали никакого *постнационального мышления*, но тем не менее, благодаря интеграции, они смогли переформатировать национальные государства в *постклассические* образования с ограниченным суверенитетом. Тем не менее даже в этом новом типе европейского сообщества государств сохранился значительный концептуальный зазор между голлистской «Европой отечеств», с одной стороны, и западногерманским видением федеративной Европы, с другой. Заданное изначально фундаментальное расхождение правительственных подходов к европейской интеграции сохраняется по сей день.

МИКАЭЛЬ МЕРТЕС
ШОА И ЕВРОПЕЙСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ

Начиная с плана Робера Шумана 1950 года }
европейский политический класс был убежден, }
что интеграция обеспечивает мир, а национализм }
означает войну. }

Тот факт, что феномен Шоа оставался в лучшем случае на заднем плане, означает, что долгое время ему не придавалось никакого самостоятельного значения вне военного контекста. В частности, согласно широко распространенному представлению, истребление евреев было лишь особенно отвратительной частью злодеяний, совершенных национал-социалистической тиранией на захваченных и подконтрольных ей территориях. До тех пор, пока слово «Холокост» не стало общеупотребительным – во многом благодаря одноименному телесериалу 1978 года, который снял Марвин Чомски, – не существовало даже общепризнанного термина для обозначения Шоа. До начала 1980-х в англоязычном мире это понятие целиком растворялось в концепте «немецких зверств времен Второй мировой войны».

История, политика и память

Эволюцию европейской политики памяти довольно легко проследить по истории годовщин, совместно отмечаемых после 1945-го и 1989 года¹¹. Лишь к середине 1990-х 27 января – день освобождения в 1945-м Красной армией лагеря уничтожения Аушвиц-Биркенау – постепенно получило общеевропейское

11 Этой идеей я обязан Анри Руссо. См.: Rouso H. *Les dilemmes d'une mémoire européenne* // DELACROIX C., DOSSE F., GARCIA P. (Eds.). *Historicités*. Paris: La Découverte, 2009. P. 203–221, особенно – P. 216 ff.

признание как День памяти жертв Холокоста, и только спустя еще десять лет, в 2005-м, Организация Объединенных Наций повысила его статус до международного дня памяти. По контрасту с этой датой в отношении двух официальных «дней Европы», отмечаемых в честь запуска европейского проекта, единодушие возоблададо довольно рано: 5 мая с 1964 года чествуется как день основания в 1949-м Совета Европы, а 9 мая с 1986 года отмечается как день презентации в 1950-м плана Шумана.

Дата окончания Второй мировой войны также может считаться общеевропейским днем памяти. Для немцев она ассоциируется с поражением и освобождением одновременно; однако, поскольку акцент в немецком восприятии истории сместился в основном или даже полностью на момент освобождения, они готовы праздновать этот день вместе со своими европейскими соседями и партнерами. Но вот вопрос: о каком именно дне идет речь? О 8-м или 9 мая 1945 года?

Тема, которая на первый взгляд кажется пустяком, обладает огромным взрывным потенциалом. 8 мая вермахт капитулировал во французском Реймсе, а 9 мая – в советском штабе Берлин-Карлсхорст. В Советском Союзе и государствах Варшавского договора в качестве Дня Победы отмечалось 9-е, а не 8 мая. В России и некоторых других государствах-преемниках СССР именно эта дата празднуется до сих пор. В отличие от них, три балтийские республики, сознательно отказавшись от советской и постсоветской традиции политической интерпретации истории и политики памяти, приняли «западное» 8 мая. Поражение Германии, по их мнению, не означало для них освобождения от сталинизма. Ссылаясь на те же аргументы, Польша и Украина в 2015 году отмечали 70-ю годовщину окончания войны 8-го, а не 9 мая¹².

Это подводит нас к последнему эпизоду европейской комеморации – Европейскому дню памяти жертв сталинизма и национал-социализма, учрежденному Европейским парламентом в 2009 году и отмечаемому 23 августа. В этот день в 1939 году был заключен пакт Молотова–Риббентропа; в соответствии с секретным дополнением к этому документу Советский Союз и Германия разделили между собой сферы интересов в Эстонии, Латвии, Литве, Финляндии, Польше и Бессарабии. Хотя официально этот день является совместным днем памяти, он указывает на противоречия в европейском историческом сознании Востока и Запада, включая и различные взгляды на Шоа.

Очевидно, что Германия и до, и после воссоединения 1990 года имела все основания признавать преступления национал-социалистов. Ей, конечно же, не подобало указывать пальцем

12 См.: VETTER R. *Analyse: Politisches Gedenken – Polen und der 8. Mai 1945* // Bundeszentrale für politische Bildung. 2015. 26 Mai (www.bpb.de/207253/analyse-politisches-gedenken-polen-und-der-8-mai-1945).

на другие страны, где коллаборационисты и убийцы поддерживали немецких оккупантов, поскольку это было бы сочтено уклонением от принятия собственной ответственности. В других местах, однако, дело обстояло сложнее. С 1980-х все больше европейских государств обращались к исследованиям собственной национальной совести, причем по мере углубления этого процесса некоторым из них пришлось проститься с мифами о жертвах нацизма и сопротивлении ему, прежде не подвергавшимся рационализации. Относительно Западной Европы достаточно упомянуть два примера. После «дела Вальдхайма»¹³ (1986) Австрия была вынуждена пересмотреть свою слишком простую форму самопрезентации как «первой жертвы Гитлера». А в 1995 году, через полвека(!) после окончания Второй мировой войны, Жак Ширак стал первым президентом Франции, публично признавшим ответственность своей страны за депортацию тысяч евреев в нацистские лагеря смерти во время немецкой оккупации.

Процесс примирения с прошлым оказался гораздо более сложным в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, в том числе и в Польше, где до Шоа проживало 3,3 миллиона евреев. Там особенно ярко проявился описанный историком Павлом Махцевичем страх, что «темные стороны нашего прошлого заслоняют положительные примеры героизма и страдания поляков»¹⁴. Вызреванию этого страха способствовали внешние факторы, а именно недостаток чувствительности в Германии и обозначившиеся в России тенденции к релятивизации страданий своих соседей. С польской точки зрения, разделяемой, кстати, не только поляками, остается совершенно неприемлемым тот факт, что Майданек и Освенцим в Германии продолжают называть «польскими лагерями уничтожения» – как, например, это сделал телеканал ZDF в 2013 году в анонсе документального фильма о преступлениях нацизма¹⁵.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПОЛИТИКИ СИМВОЛОВ

Помимо политики памяти и политической интерпретации истории, повышение осведомленности об исключительном значении Шоа, воспринимаемом отдельно от войны, проявилось в новых мерах по борьбе с негационизмом, антисемитизмом,

- 13 Имеется в виду скандал, вызванный раскрытием нацистского прошлого Курта Вальдхайма – бывшего генерального секретаря ООН и кандидата в президенты Австрии от Народной партии. – *Примеч. перев.*
- 14 Цит. по: SCHMIDT-HÄUER C. *Der Ort, der nicht bereuen will* // Die Zeit. 2005. 3 Februar (www.zeit.de/2005/06/Jedwabne/komplettansicht).
- 15 См.: KELLERMANN F. «Für uns ist das ein einziger großer Skandal» // Deutschlandfunk. 2018. 27 August (www.deutschlandfunk.de/klage-aus-polen-gegen-zdf-fuer-uns-ist-das-ein-einziger.2907.de.html?dram:article_id=426560).

расизмом и ксенофобией. Принятые в этом ключе законодательные и административные решения политически оправдывались принципом «воинствующей демократии», который не только допускает борьбу с правым экстремизмом, но и настаивает на ней.

В силу сказанного в 1990-е в Европе нарастала тенденция к криминализации отрицания Шоа. Некоторые страны Восточной Европы распространили уголовное преследование и на деяния, связанные с отрицанием преступлений сталинской эпохи. Действуя в том же русле, Национальное собрание Франции в 2011 году поддержало законопроект, признающий преступлением отрицание геноцида армян. Однако еще до подписания этого акта и его вступления в силу Конституционный совет признал его противоречащим французской Конституции – из-за покушения на свободу выражения мнений¹⁶. Кстати, ссылаясь на это право, несколько европейских стран, вслед за США, отвергли саму возможность привлечения к уголовной ответственности за негационизм.

Вместе с тем в Европе сложился консенсус относительно необходимости криминализации подстрекательства к расовой ненависти, что отразилось в нормах Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о киберпреступности, криминализирующих акты расистского и ксенофобского характера, которые совершаются посредством компьютерных систем, а также в Рамочном решении Европейского совета о борьбе с некоторыми формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права¹⁷. Оба источника подчеркивают недопустимость грубой тривиализации геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений в публичном пространстве, но при этом оставляют государствам довольно широкую свободу в определении последствий этого для их национального уголовного права.

В Вене в 1997 году был учрежден Европейский центр мониторинга расизма и ксенофобии (European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia – EUMC), на смену которому в 2007-м пришло Агентство Европейского союза по основным правам (European Union Agency for Fundamental Rights – FRA). Агентство среди прочего провело исследования о том, как еврейские граждане ЕС в наши дни сталкиваются с преступлениями на почве ненависти, дискриминации и антисемитизма. Опубликованные результаты получили широкую известность.

16 См. текст документа: *Décision no. 2012-647 DC du 28 février 2012* (www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2012/2012647DC.htm). – *Примеч. перев.*

17 См. тексты этих документов в русских переводах: <https://rm.coe.int/1680081611>; <https://eulaw.edu.ru/ramochnoe-reshenie-o-borbe-s-otdelnymi-formami-i-proyavleniyami-rasizma-i-ksenofobii-posredstvom-ugolovnogo-prava-perevod-chetverikova-a-o/>. – *Примеч. перев.*

Для Германии, публичные настроения в которой после 1945 года были более пацифистскими, чем характер мнений в других европейских странах, императив «Освенцим – никогда больше!» в 1990-е положил начало процессу глубокой саморефлексии. До этого императив «Война – никогда больше!» служил важным аргументом против участия бундесвера в гуманитарных интервенциях. Однако, когда возобладало понимание, что при необходимости делать выбор приоритет все-таки будет отдан императиву о недопустимости Освенцима, немецкое движение за мир распалось на «пацифистов» и «милитаристов».

**С 1980-х все больше европейских государств
обращались к исследованиям собственной
национальной совести, причем по мере углубления
этого процесса некоторым из них пришлось проститься
с мифами о жертвах нацизма и сопротивлении ему,
прежде не подвергавшимися рационализации.**

Стокгольмская и Пражская Декларации

Новая глава европейской памяти о Шоа была открыта в начале 2000 года, когда Рабочая группа по международному сотрудничеству в области просвещения, памяти и исследований Холокоста (Task Force for International Cooperation on Holocaust Education, Remembrance, and Research – ITF) собралась на форум в Стокгольме. Позднее, в начале 2013-го, Рабочая группа была переименована в Международный альянс памяти Холокоста (International Holocaust Remembrance Alliance – IHRA). Основным документом этой организации является «Стокгольмская декларация» от 29 января 2000 года, принятая 31 страной (в том числе 25-ю из 28 стран-членов ЕС), которая заканчивается словами:

«Знаменательно то, что эта первая крупная международная конференция нового тысячелетия объявила о своем обязательстве посеять семена лучшего будущего на почве горького прошлого. Мы сочувствуем страданиям жертв и черпаем вдохновение в их борьбе. Наш долг – помнить о погибших, уважать уцелевших, живущих среди нас, и вновь подтвердить стремление человечества к взаимопониманию и справедливости»¹⁸.

18 См. русский перевод документа: *Stockholm Declaration, 2000, January 27–29* (<https://ru.worldholocaustforum.org/stockholm-declaration/>) – *Примеч. перев.*

Помимо прочего, этот документ знаменует очевидное смещение акцентов с преодоления национализма на еще более радикальный отказ от всего того, что сделало ужас Шоа возможным. Как известно, «семена лучшего будущего» традиционно выступают метафорой новых начинаний, используемой самыми разными деятелями¹⁹; спустя несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны она может показаться анахронизмом, но это далеко не так – особенно если иметь в виду, что в Европе память о Шоа сумела занять центральное место в политической инструментализации истории совсем недавно.

Стокгольмская конференция, безусловно, помогла оживить предшествующие усилия по борьбе с негационизмом. Самым впечатляющим и непосредственным ее результатом стали санкции, введенные в 2000 году Европейским союзом в отношении Австрии после того, как Австрийская народная партия вступила в коалицию с национал-консервативной Австрийской партией свободы. Эти ограничения были приняты не на наднациональном уровне, а на уровне четырнадцати национальных государств по отдельности. Правда, в конечном счете, они оказались не слишком успешными: будучи введенными в начале года, они были отменены уже в сентябре. Примечательно также и то, что реакция на формирование аналогичной австрийской коалиции в 2017 году, в отличие от 2000-го, была откровенно спокойной. При этом долгое время оставался открытым вопрос о том, что Европейский союз может делать с членами, которые систематически покушаются на общие фундаментальные ценности. Теперь, впрочем, ответ дает статья 7 Договора о Европейском союзе, которая предусматривает временное отлучение (лишение права голоса) государств-членов в случае «серьезного и стойкого отступления» от общих фундаментальных ценностей.

Наконец, в новом тысячелетии очередная глава в европейской памяти о Шоа была открыта в 2008 году «Пражской декларацией о совести Европы и коммунизме»²⁰. Среди подписавших этот документ есть и борцы за гражданские права: Вацлав Гавел (в 1989–2003 годах – первый президент Чехословакии, затем президент Чехии) и Йоахим Гаук (в 2012–2017 годах – федеральный президент Германии). Основное послание Пражской декларации состоит в том, что Европа «не объединится, пока не сможет воссоединить свою историю, [...] начав

19 Известно, в частности, что эту фразу дословно использовал и Адольф Гитлер, который в 1933 году восхвалял павших в уличных боях нацистов в следующих выражениях: «Их великое желание исполнилось сегодня. Семена лучшего будущего проросли из их крови, их жертвенная смерть стала оплотом, на котором было водружено знамя “третьего рейха”». См.: WEBERSTEDT H., LANGNER K. (Hrsgs.). *Gedenkhalle für die Gefallenen des Dritten Reiches. Bd. I: 1932–1933*. München: Zentralverlag der NSDAP, 1939. – *Примеч. перев.*

20 См.: *Prague Declaration on European Conscience and Communism. June 3, 2008. Prague, Senate of the Parliament of the Czech Republic* (www.legal-tools.org/doc/e123be/pdf/).

честное и подробное обсуждение всех без исключения тоталитарных преступлений прошлого века». Всем европейским тоталитарным идеологиям, по мнению авторов документа, присуще «принципиальное сходство в плане их ужасающей природы». Осознание преступлений во всей их совокупности, таким образом, должно формировать мышление всех европейцев – объединяя их.

Пражская декларация вызвала дискуссию, продолжающуюся по сей день. Главный вопрос состоит в следующем: не является ли требование восточноевропейцев о том, чтобы память о преступлениях коммунистических диктатур была интегрирована в общеевропейскую политическую интерпретацию истории, чем-то равнозначным релятивистскому нарративу «двойного геноцида»?

Вне зависимости от позиции сторон эти дебаты можно считать симптомом раскола общеевропейского исторического сознания, преодоление которого не предвидится еще долго. Провозглашение 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и национал-социализма не смогло преодолеть этого раскола, а неутраченные споры о дне окончания Второй мировой войны продолжают оставаться его живым свидетельством. Американский историк Тимоти Снайдер, активно участвовавший в дебатах по Пражской декларации, отмечает:

«Сегодня существует распространенное мнение о том, что массовое уничтожение людей в XX веке имеет огромное нравственное значение для живущих в XXI веке. [...] Массовое уничтожение людей отделило историю евреев от европейской истории, а историю Восточной Европы – от Европы Западной. Убийство не определяло наций, но все же оно обуславливает их интеллектуальное обособление даже спустя десятилетия после падения национал-социализма и сталинизма»²¹.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В обозримом будущем тема Шоа по-прежнему будет иметь центральное значение для общеевропейского исторического сознания. Однако вопрос, насколько обосновано желание некоторых восточноевропейцев интегрировать память о преступлениях сталинизма в общеевропейскую политику истории и памяти, также останется в политической повестке дня.

Как и в непосредственно послевоенный период, сохранение мира по-прежнему будет важнейшей легитимирующей идеей европейской интеграции. Однако императив «Освенцим – ни-

21 SNYDER T. *Bloodlands. Europa zwischen Hitler und Stalin*. München: dtv Verlagsgesellschaft, 2013. S. 21. (СНАЙДЕР Т. *Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным*. Киев: Дуліби, 2015. С. 20. – Примеч. перев.)

когда больше!» препятствует, особенно в Германии, пацифистской интерпретации этой легитимирующей идеи.

Память о Шоа продолжает расшатывать экстремистские позиции правого крыла европейской политики, поэтому отсюда и впредь будут предприниматься попытки контрнаступлений, выражающиеся в негационизме, ревизионизме и релятивизме.

Наконец, для будущего европейской памяти о Шоа важно не только то, что уходит из жизни поколение очевидцев тех событий, но и то, что все чаще встает вопрос о донесении этой памяти до растущего числа иммигрантов, чьи предки не жили в Европе «короткого XX века» (1914–1989).

Перевод с немецкого Вадима Королькова